

**«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ**

Неуклонное возрастание интереса к более глубокому изучению истории русского еврейства – факт, обуславливающий вопрос: действительно ли многочисленные проблемы существования этноса, объединяемые выражением «еврейский вопрос», все еще не решены с должной полнотой и продолжают сохранять свою актуальность? Этот вопрос тем более правомерен в условиях современных реалий, когда Конституция Российской Федерации (1993 г.) закрепляет никогда ранее не практиковавшуюся в нашем Отечестве модель соотносительности человека и государства, при которой равноправные члены общества занимают статусно вышестоящее положение по отношению к системе политических институтов (ст. 2). Многочисленные суждения, оценивающие данную конституционную модель, если их обобщить, указывают на «позитивно». Однако это не исключает широкого спектра полярных мнений в отношении борьбы двух социальных теорий: теории естественного права и теории всемогущества государства. Если первая господствует на начальных этапах революции конца XX в. и получает отражение в Конституции РФ (в этот период формирования социального организма центром внимания является человек, в той же мере, пожалуй даже больше, чем государство), то вторая стала прорываться молодыми побегами политических пожеланий в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, когда общество миновало экватор реставрации тоталитаризма в России (государство уже ставится на первое место, перед гражданином). Оба концептуальных подхода находятся в состоянии диффузии и направлены на разрушение и перестройку общественного здания социализма. Вне всякого сомнения, борьба социальных теорий отражается на законодательстве (хотя нередко тщетно звучит речь законодателя, его законы являются слишком

слабой преградой для всякого рода страстей, в том числе бытового антисемитизма). При этом важно подчеркнуть, что модель конституционного закрепления прав и свобод россиян в значительной мере скопирована с Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН, пятидесятилетие которой весь мир отметил недавно. Этот факт символичен: если в 1948 г. СССР отказался подписать Всеобщую декларацию, то в 1993 г. Россия не просто признала положения международного-правового документа, но и определила их как неприкасаемые (изменение норм 2-й главы «Основные права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ возможно только посредством принятия новой Конституции России). Таким образом, есть основания для вывода о том, что правовой статус российских евреев мало чем отличается от статуса жителей индустриально развитых стран.

Применительно к современности еврейская диаспора в России предстает объектом государственной национальной политики, которая определяется с позиции признаваемых мировым сообществом принципов защиты основных прав и свобод человека и гарантий недискриминации и равенства. В частности, в соответствии с принятой ООН Декларацией о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.) еврейская диаспора в России обладает особыми правами в дополнение к общепризнанным правам человека, гарантированным другими международными документами. К таким особым правам еврейской диаспоры Декларация относит защиту со стороны государства национальной, этнической, культурной, религиозной и языковой идентичности и самобытности (ст. 1), право пользоваться собственной культурой, исповедовать свою религию и использовать свой язык в частной и общественной жизни

(ст. 2.1), право участвовать в культурной, религиозной, социальной, экономической и общественной жизни (ст. 2.2), право участвовать в принятии решений, которые затрагивают меньшинства, на общенациональном и региональных уровнях (ст. 2.3), право создавать и осуществлять деятельность собственных объединений (ст. 2.4), право создавать и поддерживать контакты с другими членами их группы и с людьми, принадлежащими к другим меньшинствам, как в своей стране, так и за пределами государства (ст. 2.5).

Изложенные права меньшинств государство должно защищать и гарантировать следующими средствами: 1) создавать благоприятные условия, позволяющие лицам, принадлежащим к меньшинствам, выражать особенности и развивать культуру, язык, традиции и обычаи; 2) предоставлять им соответствующие возможности для изучения родного языка или создавать систему обучения на их родном языке; 3) содействовать в изучении истории, традиций, языка и культуры меньшинств, живущих на территории страны, и в то же время обеспечить возможность доступа к знаниям и культуре сообщества в целом; 4) предоставлять им возможность участвовать в экономическом прогрессе и развитии страны в целом; 5) учитывать законные интересы меньшинств в осуществлении национальной политики и программ, а также в планировании и реализации программ сотрудничества и помощи; 6) сотрудничать с другими государствами в вопросах, касающихся меньшинств, включая обмен информацией и опытом в целях сохранения взаимопонимания и доверия.

Соблюдает ли Россия принятые на себя обязательства по отношению к национальным меньшинствам, в том числе и еврейской диаспоре? Одним из многочисленных свидетельств, позволяющих на этот вопрос ответить положительно, является поворот к интенсивной разработке законодательства о национальной политике государства, имеющего своей целью создание условий социально-правовой защищенности прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям. Такая интенсивность объясняется в первую очередь потребностями формирования Российской Федерации как государства демократического федеративного правового

(ст. 1 Конституции РФ). И это нормативное декларирование содержания национальной политики отражает характерную тенденцию поступательного развития многонационального государства, в основе внутреннего устройства которого лежит этнический фактор. Сказанным конечно же вовсе не отрицаются проблемы в этой области деятельности государства. Утвержденной Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. «Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации» [9. Ст. 3001] признаются нынешние противоречия между государством и национальными меньшинствами, являющиеся наследием прошлой тоталитарной системы, массовых депортаций и репрессий, разрушений многих национальных культурных ценностей. Среди ряда первоочередных задач государства, требующих решения Концепция называет «обеспечение политической и правовой защищенности малочисленных и национальных меньшинств».

Одной из особенностей исторической судьбы еврейского народа является то, что он оказался раздробленным на части, которые разбросаны по миру. Большинство евреев, несмотря на восстановление в 1948 г. еврейской государственности и массовое переселение евреев в Израиль (русские евреи – так называют эмигрантов из бывшего СССР – составляют сейчас одну шестую часть из 6,3 млн его жителей), по-прежнему диаспорально проживают среди других народов. В силу данного обстоятельства правомерно утверждение: еврейство, как целостная цивилизация, состоит из народов-этносов, расселившихся по всей планете.

Почему возникла эмиграция евреев и каковы ее побудительные мотивы – экономические, политические, этнические, религиозные? Является ли она результатом современной революционной трансформации в России? Несомненно, объяснение этого массового поведения не может сводиться к какому-то единственному фактору, например, эксплуатируемому политиками мифу «племенного единства евреев», однако очевидно одно: если евреи после революционных перемен выбрали массовую эмиграцию, значит они не приняли новое российское государство.

Эмиграция евреев носит в своей основе экономический характер, хотя часто принимает форму идеологической аргументации («возврат на историческую родину», «вос-

соединение с собственным народом», «изгнание» пр.). Данное предположение подтверждается и анализом мотивов и причин переселения в Израиль, выявленных в результате опроса 300 жителей Тель-Авива, Хайфы и Иерусалима, проведенного автором в 1999 г.: мотив «сближение со своим народом» отметили около 27 % опрошенных, «неуверенность в завтрашнем дне» (нестабильность, преступность) – 43 %, «межнациональные конфликты» – 19 %, «в связи с тем, что уехала значительная часть евреев» – 10 % бывших граждан СССР.

Глубинную причину еврейской эмиграции следует искать в изменениях в человеке как существе биосоциальном, осваивающем мир непрерывно на протяжении всей жизни. Само освоение социального бытия осуществляется двойкой: а) непосредственно, когда социальные нормы передаются субъекту в готовом виде (например, с помощью государственных актов, политических деклараций); б) посредством самостоятельного выведения норм из поведения других и подражания ему. Разумеется, при этом главенствующую роль играют социальные нормы, исходящие от власти, обладающей монопольным правом и способностью определять социальное пространство граждан. Если с учетом такой характеристики власти государства подходить к еврейской эмиграции, то в XX в. можно выделить четыре ее волны: 1920–1930-е гг., 1940–1950, конец 1970-х – начало 1980-х, конец 1980-х – 1990-е гг. В основе характеристики волн эмиграции лежит степень свободы, предопределявшая решение человека о выезде. Только для четвертой волны эмиграции евреев присуще то, что они покидали страну относительно свободно, на основании личного выбора, многие из них сохраняют при этом гражданство, имущество, профессиональные и деловые отношения на родине. Евреи уезжают не как изгои, отвергнутые государством, а как люди, имеющие право жить там, где им хочется, они объясняют выезд не политическими мотивами, а чисто житейскими причинами: ищут более высокой оплаты труда, свободного приложения своих способностей, новых возможностей для предпринимательства, творческой работы.

Подытоживая, можно предположить, что переселение евреев не носит характер объективной необходимости. В значительной мере оно, во-первых, связано с действием причин еще непознанных, во-вторых, под-

тверждает гипотезу: нормальное сосуществование еврейской диаспоры в России невозможно по культурной, психологической, религиозной и иной несовместимости с политикой государства, характеризующейся индифферентностью к проблемам диаспоры. Действительно, игнорирование специфики жизнедеятельности еврейской нации, предание забвению потребностей социально-экономического, политического, религиозного, культурного развития этноса, привели к социальной неудовлетворенности, которая приобрела характер массовой эмиграции. В основе эмиграции как социального действия национального субъекта лежит менталитет еврейской диаспоры: устойчивая константа ее жизненных установок и норм поведения, эмоций, настроений, идущих из глубинных зон психологии и исторических традиций еврейства. Разумеется, менталитет противоречив и не монолитен, но он пронизан передаваемым из поколения в поколение мифом об обетованной земле еврейского рая. В условиях общественной нестабильности, ослабления прежних регуляторов жизнедеятельности людей еврейская эмиграция – немотивированное социальное действие, объективно-противоречивый элемент спонтанного процесса жизни еврейской диаспоры, изучаемого в рамках национальной синергии.

История говорит о том, что на территории нашей страны в свое время возникло государство имперского типа, мощь которого была достигнута главным образом в силу ненасильственной ассимиляции значительной части нерусского этноса. И хотя правовые статусы граждан в современный и прошлые исторические периоды существенно разнятся, следует иметь в виду, что, в целом, правовое сознание общества преемственно в своем развитии. И это определяет отношение еврейской диаспоры к вопросу о переселении в Израиль – эмиграция не находит нравственного осуждения.

Конечно, Россия не должна быть тюрьмой для евреев или какого-либо другого народа. Но не должна быть и временным пристанищем. Хорошо устроился человек – чтит российское гражданство и проявляет патриотические чувства к Отечеству; не устроился, вспоминает о стране побогаче – и встает в очередь за получением другого гражданства, оправдывая свое стремление зовом предков. Как тут не вспомнить есенинское: «Кинь ты Русь, живи в раю»? На-

до, однако, еще раз подчеркнуть, что любая волна еврейской эмиграции представляет собой, в конечном счете, продукт антисемитизма, поскольку в национальной памяти воскрешается своеобразный генетический код: если еще вчера общество преследовало, подвергало дискриминации своих членов по признаку крови, то подобное может повториться в любой момент, когда для этого созреют необходимые условия, поэтому надо искать ту социальную нишу, в которой гарантируется безопасность. Еврейское сообщество хорошо помнит насилие со стороны государства, неуважение официальных властей к нации и ее культурно-историческим традициям, ограничения гражданских прав и общественной жизни, наконец, насильственную русификацию – таков был удел русских евреев, начиная со второй половины XVIII в. Долгая традиция антисемитизма не могла не сказаться на самой психике евреев и их умонастроениях, не могла не внедрить в их сознание идею, что «выстроить безопасное существование... изнутри просто невозможно и что необходимо создание отдельного государственного механизма, евреи до тех пор будут оставаться чужим национальным меньшинством в любой стране, пока, как отдельная нация, не обзаведутся собственной территорией» [7. С. 360]. Эмиграция евреев – это способ спасения от исторически постоянной угрозы антисемитизма. Одновременно это и проявление глубинного стремления освободиться от комплекса неуверенности в своем национальном самосуществовании в среде чужой и враждебной.

Разумеется, автор не утверждает, что завтра русские евреи могут стать жертвами какого-нибудь нацизма, нового тоталитаризма. Нет оснований так думать, но нет и повода полагать, что это абсолютно невозможно, поскольку, дескать, почти все ратуют за демократию. Подобное убеждение проистекает из современного феномена, состоящего в том, что на фоне так называемой глобализации одновременно вспыхивают все виды национализма. Эмиграция евреев остается и будет оставаться проблемой, и не следует делать вид, будто такой социальной проблемы в России нет, поскольку права человека якобы велят обществу ее не замечать. У эмиграции есть не только психологическая, моральная, но и экономическая грань: «утечка мозгов». Богатые страны, прежде всего Израиль и США, получают

высококвалифицированных специалистов из бывшего СССР, не затратив ни гроша на их подготовку. Можно заметить, что рассматриваемый вопрос проявляется и в других государствах, возникших на территории бывшего СССР, хотя степень его актуальности предопределяется долей евреев среди населения этих государств (евреи проживали преимущественно в городах Центральной части России, Украины, Белоруссии и Молдавии. На Украине евреи являлись третьей по численности этнической группой после украинцев и русских; еврейская община Украины составляла 35 % всех евреев СССР, более 8 % проживало в Белоруссии и около 5 % в Молдавии; в Еврейской АО евреи составляли 4 % населения этой автономии).

Преодоление недоброй части истории русского еврейства, возвращение дружеских чувств между евреями и другими этносами отражается на самосознании еврейской нации. Однако одно ясно, что темпы этих изменений будут непосредственно зависеть от формирования типа национальной культуры: преобладающей станет мозаичная культура, в которой знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми и случайными отношениями, или гуманистическая культура, носителем которой является не столько образованный, сколько понимающий человек, способный выявлять причинно-следственные связи между явлениями. Гуманистическая культура может базироваться на естественно-научных или на религиозных моделях. Мозаичная культура основывается на мнениях о знаниях, но не на самих знаниях, т. е. в ней не может быть обобщений, синтеза. Она продуцирует мифы, иллюзии, слухи, нелепости. К духовной работе носитель мозаичной культуры не способен.

В этой связи очень важно донести до общества всю правду о прошлом положении еврейского народа, которая была и остается тернием в нашей памяти. И хотя еврейский вопрос в России – проблема для отечественной науки не только идейно-политическая, но является одной из наиболее острых, важно осознать, что винить в антисемитизме народ ошибочно, поскольку это результат действия системы, жертвами которой стали миллионы русских и людей других национальностей. Современное же российское государство призвано обслуживать гражданское общество, и, с точки зрения теории государства, выступает, по сути, в качестве

вспомогательного инструмента реализации предпочтений граждан. Следовательно, политика государства не может ориентироваться на какие-то надличностные «высшие цели», которые якобы соответствуют интересам государства.

Замысел статьи обусловлен и обеспокоенностью в связи с актуализацией антисемитских настроений в российском социуме. Теория еврейского заговора, зачастую используемая в качестве идеологической доктрины политических экстремистов, служит оправданием низменных психологических сторон человеческой природы: националист как политический тип озабочен, прежде всего, своими взаимоотношениями с евреями и еврейством, он по-прежнему не мыслит себе решение «русского вопроса» без решения вопроса еврейского. В современной патриотической литературе, ратующей за идеологическую целостность и полноту русской национальной доктрины, еврейский вопрос признается фактором в разрушительных процессах, происходящих в России. Традиционно обвинение сводится к «самоотчуждению части нации... принятию чужих социокультурных кодов и западных идеологических схем. Рекомендация проста: “инородные тела” внутри национального тела, должны осознать, что их место вне России и искать свое место за ее пределами» [4. С. 656].

Антисемитизм как тип политического сознания маргинальных слоев общества – это исторический феномен, его бытие есть специфический способ существования во времени, когда настоящее не только вырастает из прошлого, но частично сохраняет его в своем составе. Этот тезис представляется чрезвычайно важным в связи с попытками переоценить факты истории еврейского народа. Стратегическим направлением подобных уточнений, корректировок является последовательное «снижение статуса» проблемы: существование евреев никогда не оказывалось под угрозой, историей еврейского народа «интересуются гораздо более, чем бы он этого заслуживал» [3. С. 73].

Еврейский вопрос как фактор внутреннего развития России представляет собой огромный исторический пласт, освоение которого имеет не только чисто научное значение. Историческая память народов, их правосознание скрывают в себе многие мотивы сегодняшних действий – от решений политиков до общения на бытовом уровне. В этой палитре взаимосвязей покоятся

весьма ценные уроки социального бытия, к осмыслению которых отнюдь не поздно обратиться и в XXI в. Поскольку еврейский вопрос – это в любом случае компромисс интересов национальной элиты и народных масс, то он в большей степени отражает специфику социального бытия евреев, преломленную рамками определенного исторического периода.

Еврейский вопрос – проблема для отечественной науки не только идейно-политическая, он является одним из наиболее острых, поэтому во второй половине XX в. утвердилась абсолютная «закрытость» еврейского вопроса: он был окружен заговором молчания, тема социального статуса евреев пребывала под запретом. Давние идеологические и политические факторы, лежавшие в основе режима российского государственного антисемитизма, продолжали культивировать в массовом сознании образ еврейского народа, в истории которого были только одни агрессоры и эксплуататоры, обеспечивали мифологизацию еврейства – придание этносу несвойственных ему черт. Оказалось, что современный человек, как и люди во все времена, способен погружаться в атмосферу древнего мифотворчества, когда отсутствовали научные знания. Подобное восприятие евреев имеет свое объяснение: в социалистическом обществе не укоренялось массовое осуждение и противодействие обывательщине, на массовое сознание в правильном направлении не влияли ученые, писатели, общественные лидеры. Наоборот, общество находилось под знаком государственного антисемитизма. В пользу данного утверждения можно сослаться, например, на антиеврейские акции, обозначенные принятым в декабре 1946 г. постановлением Политбюро ЦК КПСС «О сборе учетных данных по троцкистам и еврейским националистам», которые включали и депортацию евреев в Сибирь и Среднюю Азию (подробнее см.: [6]). Эта государственная мера не состоялась только из-за смерти Сталина. Сегодня, когда открылась возможность объективного исследования, и еврейский вопрос стал активно разрабатываться многими отраслями науки, ученые располагают все новыми и новыми архивными открытиями, характеризующими этапы развития государственного антисемитизма, среди которых и аутентичная запись высказываний руководителя государства – аргументы в пользу необходимости приня-

тия Политбюро ЦК КПСС указанного постановления – о том, что «любой еврей – националист, это агент американской разведки» – суждения, венчавшие всю политику антиеврейского шовинизма [3. С. 164].

Современные проблемы еврейской диаспоры России можно сформулировать следующим образом: решение дилеммы возвращения на историческую родину или продолжения жизни в диаспоре; самоидентификация в качестве евреев большого числа лиц еврейского происхождения, частично или полностью ассимилированных в советскую культуру; возрождение национально-культурных традиций. Успешность разрешения названных и иных проблем этноса будет предопределяться тем, насколько сможет еврейская диаспора увидеть российское добрососедство под общим кровом новой государственности. И вообще: удалось ли россиянам преодолеть идеологическую зашоренность, догматизм, однобокость межнациональной политики недавнего прошлого? Однозначный подход к данной проблеме был бы ошибочным и поспешным, поскольку еще существует стремление подвергнуть сомнению роль еврейской диаспоры в жизни общества. Сошлюсь только на один пример. Поэтесса В. Г. Коломейцева в статье «Евреи... в русской культуре?» обвиняет евреев в сознательной лжи, провокационных действиях, ненависти к русскому народу, стремлении принизить духовные достижения русских и невообразимом самонии, когда они дают оценку своей роли в создании и развитии культуры [5. С. 16–22].

Слова современного обвинителя созвучны словам русского интеллигента начала века: «Фактическая сила еврейства в России вообще громадна, и всякое увеличение их прав ведет вовсе не к “равноправию”, а к господству евреев над Россией и русскими... Заботиться теперь о том, чтобы евреям не было от нас какого-либо притеснения, – это очень походило бы на размышления овцы о том, как ей не обидеть чем-нибудь бедного волка. Независимо от степени своих прав евреи забивают нас во всем. Они захватывают все отрасли труда, – конечно, выгодного, – захватывают интеллигентные профессии, захватывают печать и через ее посредство становятся господами общественного мнения. Их величайший грех перед Россией – первенствующая роль в революции, изуродовавшей Россию...» [10. С. 32].

Приведенные мысли хотя и высказаны по поводу «еврейского вопроса», но они выйдут за его рамки, поскольку авторы, независимо от своей воли, касаются стержня проблемы: чьим государством является Россия – государством русских или государством каждого индивида, в личном документе которого обозначено «гражданин России»? Казалось бы, в сегодняшних реалиях проблема не стоит внимания исследователей, но подобное утверждение было бы поспешным, поскольку предвыборные речи политических лидеров дают основания для иных выводов. Хотя высказывания политиков и выглядят попыткой потоптаться в электоральной лавке для создания большого шума и эффекта значимости – обстоятельство, освобождающее от нужды их комментировать, они, и это совершенно ясно, находятся в едином русле поиска будущности российской государственности. Заметим, что среди мировоззренческих оснований философско-политической доктрины развития нашего Отечества ряд исследователей (Вл. Соловьев, П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев и др.) выделяют «русскую идею» [8]. Каково содержание собирательного понятия «русская идея»? Какие оттенки действительности в нем преобладают: откровенно националистические или интернациональные? И хотя в понятие «русская идея» представители современной политической элиты вкладывают новое содержание, все же большей частью оно сводится к призыву «Возродить Россию!» (строго говоря, значит восстановить). Следовательно, будущее связывается с прошлым. В этой связи трудно не согласиться с утверждением, что у каждого своя ностальгия: у одних по царской, монархической святой и великой «России, которую мы потеряли»; у других по мощному, играющему военными бицепсами социалистическому государственному монстру, прибравшему к рукам пол-Европы и немалую часть Азии, и заставившему весь мир «уважать» себя, т. е. бояться; у третьих тоска по единому союзному государству, предоставлявшему такие необъятные возможности для безвизового перемещения в пространстве и во времени; у четвертых по разрушенной русской духовности, религии, культуре, искусству, по патриархальным обычаям и традициям предков, по соборной справедливости, народному милосердию и совестливости... [2. С. 452]

Поскольку перечень моделей утраченного приведен в порядке примера и не является закрытым, то, продолжая его, можно выделить, наконец, и ностальгию пятых – по политике поиска «истинного виновника» в бедах русского национального социума. О существовании субъектов – носителей идеологии русского нацизма – говорят данные социологических исследований: на вопрос, согласен ли респондент с лозунгом «Россия для русских», 28 % ответили «да» [1]. Не предвосхищая степень реализации подобных политических идей в условиях сегодняшнего дня, следует заметить, что у националистов всех времен и народов лозунги традиционные и обращены к гражданам с крайне низким самосознанием, они подрывают пространство солидарности на самом что ни есть бытовом уровне. Для элиты же общества создаются философские конструкции, опирающиеся на «историческое предназначение», «национальное преобладание», «национальный инстинкт» русских (славян). Зерна русского национализма, высеянные философами прошлого на хорошо подготовленную социальную почву современной России, дают обильные всходы: в обществе циркулируют идеи, имеющие ярко выраженную направленность.

Чем объяснить живучесть еврейского вопроса? Являются эти причины объективными? Насколько успешно они могут быть преодолены? В поисках ответов нужно не упустить из виду весьма важное обстоятельство, характеризующее историческую науку: история Отечества традиционно исследовалась с позиции национального, этнически однородного государства. Историки XIX в. – Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др. – освещали историю России как мононационального государства, что соответствовало существовавшему в теории идеалу политической организации общества, принесшего впоследствии человечеству много бед. В рамках настоящего исследования подобный однобокий подход может быть основанием для следующего методологического вывода: ни история России в целом, ни история российских регионов и народов не может быть исчерпывающе изучена без учета и понимания всего полиэтнического комплекса, элементом которого являлось и русское еврейство.

Изучение еврейского вопроса диктует необходимость определения тех особых условий, в которых существовало русское еврей-

ство в дооктябрьский период. Именно эта задача обусловила постановку ряда вопросов, имеющих лишь касательное отношение к заявленной теме исследования, но позволяющих более точно определить механизм формирования правового статуса евреев: какими методами осуществлялось включение в состав Российской империи территорий, населенных евреями – этнически и конфессионально чуждым населением? Встречало ли еврейское население экспансию России сопротивлением или готовностью к сотрудничеству? Какое влияние оказала Россия на жизнь еврейского населения, его социальное устройство, культуру? Как протекала встреча русской и еврейской культур, христианства и иудаизма? В каких сферах социального бытия имело место межэтническое разделение труда и какие специфические функции переходили к евреям в границах России?

Поскольку потребности социального бытия делают актуальными то одни, то другие стороны прошлого опыта, то пересмотр оценок еврейского вопроса – естественный процесс. На изломах истории особенно остро люди ощущают потребность познать свое прошлое, постичь корни событий, потрясающих общество. Обращаясь к прошлому, люди хотят восстановить утраченную связь времен и поколений, найти в истории ответы на многие вопросы современности. Обращение к еврейскому вопросу связано не только с тем, что оно способно пролить свет на истоки современных проблем и заполнить «список обид» евреев по отношению к своим соседям, но и с тем, что позволяет понять механизм взаимодействия этнических и конфессиональных меньшинств с национальным большинством, принимающим обществом и государством: механизмы эти живучи. Меняя форму, они сохраняют свое влияние и функции.

Список литературы

1. *Андреев А.* Есть чем гордиться. «Национальный вопрос» в зеркале социологии // Рос. газета. 1995. 18 мая.
2. *Гершунский Б. С.* Философия образования для XXI века. М., 1998.
3. *Гнедич П. П.* Всемирная история искусств. М., 1998.
4. *Касьянов А. А.* Дух нации – основа государственного строительства и жизнеобеспечения народов. Ростов н/Д, 1999.

5. Коломейцева В. Совет Ходжи Насредина. Статьи. М., 1999.

6. Мадиевский С. 1953: предстояла ли советским евреям депортация? // Россия XXI. 2000. № 2.

7. Пикингтон С. М. Иудаизм. М., 1999.

8. Русская идея / Сост. М. А. Маслинин. М., 1992.

9. Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.

10. Тихомиров Л. А. Русский или еврейский вопрос? // Русский дом. 1999. № 4.

Материал поступил в редколлегию 21.09.2006